

RU

Педагогический образ И. Я. Яковлева в произведениях К. Петрова «Таэр» и М. Трубиной «Детство»

Мышкина А. Ф., Ядранская И. В.

Аннотация. Цель исследования - определить типологические черты образа учителя в чувашской литературе. В статье анализируется образ просветителя И. Я. Яковлева и выявляются художественные средства создания педагогических персонажей. При этом данный образ рассматривается в культурно-историческом и национальном контексте. Так, разбирая прозаические произведения К. Петрова («Таэр») и М. Трубиной («Детство»), авторы статьи выявляют особенности литературного героя и его связь с личностью Яковлева. Для определения взаимосвязи персонажа со своим прототипом, с жизнью и морально-нравственными убеждениями чувашского просветителя к работе привлечены культурно-исторические документы, в их числе в первую очередь нужно назвать «Духовное завещание чувашскому народу». Научная новизна исследования связана с особой ролью педагога в деле гуманизации общества и эстетическими особенностями его отображения в литературном творчестве. Данная проблема в чувашском литературоведении мало изучена и требует глубоких исследований. В результате доказано, что образ И. Я. Яковлева достаточно полно изображен во всех жанрах чувашской литературы. В них он выступает как организатор чувашской учительской школы, просветитель, педагог. Очень часто его изображают и как главного «воспитателя» чувашской творческой и научной интеллигенции.

EN

Pedagogical Image of I. Ya. Yakovlev in the Works “Taer” by K. Petrov and “Childhood” by M. Trubina

Myshkina A. F., Yadranskaya I. V.

Abstract. The aim of the study is to determine the typological features of a teacher’s image in Chuvash literature. The article analyses the image of the enlightener I. Ya. Yakovlev and identifies the artistic means of creating pedagogical characters. At the same time, this image is considered in the cultural-historical and national context. So, analysing the prose works of K. Petrov (“Taer”) and M. Trubina (“Childhood”), the authors of the article reveal the features of a literary hero and his connection with the personality of Yakovlev. Cultural and historical documents are involved in the work to determine the relationship of the character with his prototype, with the life and moral convictions of the Chuvash enlightener. Among them, first of all, it is necessary to mention the “Spiritual Testament to the Chuvash People”. The scientific novelty of the study is associated with the special role of the teacher in the humanization of the society and the aesthetic features of his representation in literary work. This problem in the Chuvash literary criticism is little studied and requires rigorous research. As a result, it was proved that the image of I. Ya. Yakovlev is quite fully depicted in all genres of Chuvash literature. He acts as the organizer of the Chuvash teacher’s school, an enlightener, and a teacher. Very often he is portrayed as the main “educator” of the Chuvash creative and scientific intelligentsia.

Введение

Актуальность темы связана с необходимостью типологизации образа учителя в чувашской литературе как социально значимого вида художественного героя. Выявление в системе литературных персонажей группы профессионально обоснованных типов необходимо для раскрытия изменений в социальной структуре и мировоззренческой основе повседневного мышления народа в историческом ракурсе, а также для определения степени их важности в современном обществе. Данное направление исследования связано как с гуманизацией общества, так и с педагогической теорией и практикой (в плане создания положительного имиджа учителя).

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: определить круг художественных произведений, в систему персонажей которых входят образы учителей, педагогов; выявить роль литературного образа И. Я. Яковлева в установлении положительного имиджа учителя в художественном творчестве; проанализировать художественные произведения – роман-хронику К. Петрова «Таэр» и повесть М. Трубиной «Детство»; наметить характерные черты педагогического образа в художественном произведении; установить связь между литературным образом чувашского просветителя и его прототипом И. Я. Яковлевым.

Для выявления типичных характеристик педагогического образа в статье применяются следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный и культурно-исторический анализ. В качестве материала исследования были использованы роман-хроника К. Петрова «Таэр» (Петров К. Таэр / авторизованный перевод с чувашского В. Ильиной. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1986) и автобиографическая повесть М. Трубиной «Детство» (Трубина М. Ача чухнехи: повесть. 1956. URL: <https://www.chuvash.org/lib/haylav/7599.html>).

Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие и культурно-исторические работы, предметом которых являются чувашская литература и просветительская деятельность. Так, к примеру, в коллективной монографии «История чувашской литературы XX в. (1900-1955 гг.)» (Кириллова, Родионов, Мышкина и др., 2015) чувашский литературный процесс начала века рассматривается в контексте общественно-политического, религиозно-философского и литературно-эстетического сознания народа. В данной работе творчеству писателей, выходцев из Симбирской чувашской учительской школы, уделено особое внимание. В. Н. Иванов (1999), говоря о просветительской деятельности И. Я. Яковлева, особо выделяет заложенные им основы чувашской письменности и литературы, которые уже в XIX веке позволили талантливым представителям чувашского народа проявить себя в науке, литературе и искусстве, оказали благотворное влияние на многие стороны развития общественной жизни чувашского народа (грамотность, просвещение, литература, искусство и т.д.), то есть на развитие всей культуры народа. Г. Н. Плечов (2013) свое внимание уделяет зарождению и существованию первоначальных социально-просветительских взглядов И. Я. Яковлева, которые явились условием и фактором его последующих общественных воззрений и практической деятельности. В. Я. Канюков (1959), исследуя творчество чувашского детского писателя М. Трубиной, достаточно широко освещает вопросы чувашской литературы начала XX века и влияния яковлевской школы на эстетические взгляды писателей этого периода.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов исследования при создании спецкурсов по зарождению и истории чувашской литературы, по просветительской деятельности И. Я. Яковлева. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебных пособий по истории чувашской литературы.

Основная часть

Зарождение профессиональной чувашской литературы совпало с основанием и деятельностью Симбирской чувашской учительской школы. Все это говорит о том, что чувашская профессиональная литература с первых дней своего существования была тесно связана с учительством (Мышкина, 2016), национальными этико-эстетическими ценностями (Мышкина, Гафурова, 2014), социально-историческими особенностями народа (Мышкина, Ядранская, 2022). Так, многие из чувашских писателей начала XX века получили свое образование именно в стенах Симбирской чувашской учительской школы (К. Иванов, С. Лашман, Ф. Павлов, М. Трубина, Н. Шубоссинни) или открытого на ее базе Ульяновского педагогического техникума (В. Митта, Я. Ухсай). И вполне естественно, что как сама школа, так и бессменный ее директор и просветитель чувашского народа И. Я. Яковлев оказали влияние на эстетические взгляды и идеалы этих писателей.

Более того, и сам И. Я. Яковлев стал прототипом литературных образов во многих художественных произведениях. В числе таковых можно назвать стихотворения К. Иванова «Пирён вахът» (Наше время, 1908), Н. Шубоссинни «Хёрёх сүл» (Сорок лет, 1908); поэмы П. Хузангая «Поэтпа миссионер» (Поэт и миссионер, 1928) и «Аслă çёре» (Великое сердце, 1960), Н. Полоруссова-Шелеби «Хастарлă тăлăх» (Даровитый сирота, 1928); трагедию Я. Ухсая «Хура элчел» (Черная судьбина, 1941) и его поэму «Чёмпёр» (Симбирск, 1968); роман С. Эльгера «Шурăмпус килсен» (На заре, 1940); повести М. Трубиной «Ача чухнехи» (Детство, 1956), А. Артемьева «Хунавлах хърнисем» (Погибшие в юности, 1963-1964) и «Тăвăл умён» (Перед бурей, 1968); драму И. С. Максимова-Кошкинского «Тăвăл хыççан тăвăл» (Буря за бурей, 1954); роман-хронику К. Петрова «Тайяр» (Таэр, 1986) и др.

Как видим, «интерес чувашских писателей к личности и деятельности И. Я. Яковлева возник еще до Октябрьской революции. Первыми авторами, изображавшими замечательного чувашского просветителя средствами художественного слова, положительно оценившими его работы по просвещению родного народа, были ученики И. Я. Яковлева, его соратники по Симбирской школе» (Одюков, 1969, с. 135), а также «писатели изобразили разные периоды жизни чувашского просветителя – с детских лет до преклонного возраста» (Одюков, 1969, с. 152). Однако, несмотря на это, и на сегодняшний день остаются значительные пробелы в исследовании этого образа.

Сюжетная линия романа-хроники К. Петрова «Таэр» связана с жизнью и деятельностью чувашского революционного поэта Т. С. Семенова (Таэра Тимкки). Образ И. Я. Яковлева в произведении является второстепенным, эпизодическим героем, через которого автор в основном воссоздает достоверную историческую действительность начала XX века.

Бесспорно, роман «Таэр» написан строго по канонам соцреализма, поэтому противостояние эксплуататоров и угнетенных, борьба последних за свою свободу в произведении оказываются его главной сюжетной

линией. Тем не менее наиболее значимыми эпизодами здесь становятся сцены встречи революционера Таэра с будущим классиком чувашской поэзии К. Ивановым в стенах Симбирской чувашской учительской школы, картины совместной работы в издательстве Таэра и Н. В. Никольского – основателя первой чувашской газеты «Хыпар» (Новость). Эти эпизоды наглядно показывают зарождение чувашской творческой интеллигенции, системы чувашского образования, авторской литературы и журналистики.

Роман «Таэр» полностью соответствует своей жанровой разновидности (хроника) и изобилует историческими личностями и фактами. Вот, к примеру, несколько таких отрывков: «С малых лет Тимкка стремился стать человеком. Не богатым или бедным, а – человеком! Он учился в сельской школе, потом – в Симбирске у Ивана Яковлевича. Теперь здесь, в Казани, работает в редакции чувашской газеты “Хыпар”, которую сам же и набирает, и верстает. Тимкка – единственный постоянный работник с первого ее номера» (Петров, 1986, с. 6); «В конце учебного года, перед тем, как ребятам разъехаться по домам, Иван Яковлевич решил собрать всех интересующихся литературой. Ребята пришли задолго до намеченного времени и увидели писателя Ивана Юркина, учителя из Нижних Тимерсян Сергея Сорокина. <...> Приехал на этот сбор и Григорий Тимофеев, работающий в Альшееве. За крайним столом о чем-то рассказывает и заразительно смеется Михаил Акимов» (Петров, 1986, с. 46); «К университету целыми вереницами шли люди. Перед зданием собралась большая толпа. Таэр с Андреем Новиковым с невероятным трудом протиснулись к дверям. В коридоре Тимкка увидел Тимофея Хури» (Петров, 1986, с. 97) и др.

На страницах данного произведения эпизодически появляются и чувашские писатели (И. Юркин, М. Акимов, К. Иванов и др.), и социально-политические деятели (Т. Хури и др.), и исследователи культуры и быта дореволюционных чувашей (Г. Тимофеев и др.). В их ряду, несмотря на то, что он тоже эпизодический, образ И. Я. Яковлева выделяется своей полноценностью. Так, при первом же появлении его образа на страницах произведения автор дает описание его одежды: «...Яковлев в демисезонном пальто, черной шляпе, остроносых ботинках, с гладкой тростью в руке» (Петров, 1986, с. 42). Это типичная одежда интеллигенции того времени, но не характерная для представителя чувашской нации. Однако внутренний, духовный мир героя, его устремления и заботы полностью принадлежат родному народу: «Тимкка влюбленно смотрит на Ивана Яковлевича. Он знает, что этот человек очень старается, чтобы чувашские дети учились, часто бывает в деревнях, говорит с крестьянами, убеждая их в необходимости просвещения» (Петров, 1986, с. 42).

Вместе с тем образ И. Я. Яковлева в романе – это образ «мудреца», на чьи плечи легли заботы и о маленьких учениках школы («Школьники мигом окружили учителя, каждый старался подойти к нему поближе, заглянуть в глаза, тронуть за рукав. Иван Яковлевич одного погладил по голове, другого обнял, третьему пожал руку» (Петров, 1986, с. 43)), и о будущем всей национальной культуры («Напечатаем твоё исследование в сборнике “Чувашские народные песни”. И ещё одну книгу со временем выпустим – “Чувашские сказки и загадки”. А сейчас давайте поговорим о сборнике художественных произведений» (Петров, 1986, с. 46)). Глубокий анализ его просветительской деятельности действительно показывает, что «в яковлевской программе национального подъёма чувашей важное место занимало эстетическое воспитание народа. Воспитанники Симбирской школы основательно учились пению и игре на скрипке. В школе под руководством лучших музыкантов работали мужской, женский и смешанный хоры, а в начале XX века также струнный, духовой и симфонический оркестры, которые обслуживали не только школу, но и весь Симбирск. Воспитанники школы умели организовать хор и руководить им. Работая в сельских училищах, они руководили хорами, пропагандировали музыку и песню в народе. При сельских училищах имелись библиотеки и открывались читальни для крестьян, проводились народные чтения. В Симбирской школе была осуществлена постановка оперы “Жизнь за царя”. Поэт К. В. Иванов был и прекрасным художником. Он работал преподавателем рисования, художественно оформил постановку указанной оперы, оставил несколько произведений живописи» (Димитриев, 1998, с. 23).

Образ И. Я. Яковлева и его школы красной нитью проходит через все произведение. Он как могучий дуб, ветви которого защищают от жгучего зноя, как памятный столб на могиле некрещёных чувашей, дающий духовный ориентир на будущее. Так, в начале романа автор пишет: «Удивительно красивое место выбрано для симбирской учительской школы чувашей. Стоит она на берегу Свияги. И кажется, что река специально бросает солнечные блики в школьные окна. За невысоким забором разместились двухэтажные дома из красного кирпича, между ними – тенистые аллеи под старыми вязами, а чуть поодаль – фруктовый сад, в котором разноголосно распевают птицы. Школьный двор похож на ярмарочную площадь: в глазах пестрит от разноцветных рубах и платьев, сшитых из домотканого холста, в ушах – непрерывный гомон. Почти все дети обуты в лапти, редко-редко увидишь на ком-нибудь башмаки, тем более – сапоги, да две-три девочки щеголяют в блестящих галошах. Откуда только ни собрались сюда дети!» (Петров, 1986, с. 35). И уже на последних страницах произведения читаем: «Есть мечта – издать её в Симбирске, предложить поэму Ивану Яковлевичу Яковлеву. Нет, не забыл Таэр всеми уважаемого просветителя чувашского народа, хоть тот и не ответил на его письма – наверное, занят, мало ли у него дел... И очень хотелось бы доказать Яковлеву, что не зря учился у него Тимкка, пусть недолго, но не впустую» (Петров, 1986, с. 147).

В романе К. Петрова представлен образ учителя – просветителя нации. Автор не воссоздает глубинный характер, он больше стремится определить его значение в истории чувашского народа. Естественно, этот литературный образ во многом идеализирован. Это мудрый, гуманный, преданный делу просвещения человек. Он озабочен судьбою не только отдельного ребенка-ученика, а настоящим и будущим всего народа.

Немного иным образ И. Я. Яковлева предстает в повести Марфы Трубиной «Детство». Отметим, в данном произведении образ И. Я. Яковлева также является эпизодическим, фигурирует лишь в главе «Школа Иван Яковлевич килсе кайни» (Инспекция школы Иваном Яковлевичем). Здесь он часть нового для чуваша мира –

мира знаний и просвещения. Следует признать, «каждый художник слова имеет свое, индивидуальное видение И. Я. Яковлева и раскрывает его образ в меру своего понимания, своего мировоззрения и таланта. Видение чувашского Улыпа, гения и патриарха в единстве его величия и простоты – залог творческого успеха, правдивости и глубины изображения. Писатели стараются многосторонне показать И. Яковлева как признанного организатора и руководителя Симбирской чувашской школы, инспектора всех чувашских школ. При этом художники слова и не пытаются прибегать к искусственным средствам оживления, а жизненная полноценность и достоверность образа достигается другими, более естественными способами, прежде всего путем создания плотной, реалистически выписанной бытовой обстановки, в которой живет и действует И. Яковлев» (Трофимов, 2005).

В повести «Детство» повествование ведется от имени маленькой девочки, которая во все происходящее вкладывает свои чувства и мысли. В произведении представлен мир глазами ребенка, мечтающего о лучшей жизни. Эту лучшую жизнь она видит в первую очередь в образовании. В дореволюционный период истории чувашского народа считалось, что образование женщинам не нужно, потому что «чăваш хĕрне вĕренни пачах кирлĕ мар, арлатăр вăл йĕмлĕх, михĕлĕх – юратъ âна!» (Трубина, 1956). / «чувашской девушке обучение в школе абсолютно не нужно, пусть прядет она для штанов, мешков – ей достаточно!» (здесь и далее – перевод наш. – А. М., И. Я.). В такой трактовке идеи произведения прослеживаются убеждения и самого просветителя И. Я. Яковлева, который считал, что лишь через просвещение можно изменить жизнь к лучшему и облегчить тяжелый быт чуваша-крестьянина.

В произведении М. Трубиной (1956) глазами главной героини дано и описание портрета И. Я. Яковлева: «Унта вăл, сĕлти тумтирне хывса пулмалла, пĕрер самант тытăнса тăчĕ, вара класа сÿллĕ те кĕрнеклĕ сын кĕчĕ, кăвакарнă сÿсне, лапка шурă сухалне пысăк аллипе якатса илсе, сĕтел патнелле утрĕ». / «Там он, вероятно снимая верхнюю одежду, некоторое время задержался, потом в класс вошел высокий и коренастый человек, поглаживая большими руками седые волосы, белоснежную бороду, прошел к столу».

Следует заметить, что писатель М. Трубина была выпускницей Симбирской чувашской учительской школы, то есть она воочию видела и общалась с И. Я. Яковлевым. Вероятно, поэтому автор повести стремилась максимально точно и правдиво описать просветителя не только во внешности, но и манере общаться и держать себя на людях. И первое, что бросается в глаза в этой главе повести, это то, что Иван Яковлевич говорит больше на русском языке. Хотя это лишь небольшие реплики («Здравствуйте, дети!», «Выразительно читает и хорошо рассказывает», «Прекрасно», «Пишет чисто», «Эдак и так, тогда надо ее в нашу школу»), но именно они становятся показателями его образованности и определенного социального статуса – он уже не в числе безграмотных чувашей, не владеющих неродным русским языком.

Также обратим внимание, что в повести «Детство» автор стремится довести до читателя все те жизненные убеждения И. Я. Яковлева, которые касались просвещения и будущего чувашского народа: «Ачасем, эдак-и так, эсир вĕреннине тĕрĕслесе тухрăм. Аван вĕренекенсем пур. Пурте малалла тăрăшса вĕренĕр. Вĕренни – сÿтă, вĕренменни – тĕттĕм. Вĕреннĕ сын пĕри вĕренмен сичĕ сынна тăратъ тесе ахаль каламан. Вĕреннине, эдак-и так, йăтса сÿремелли япала мар, тенĕ. Пуринчен ытла вырăс чĕлхине вĕренме тăрăшăр, унсăрăн вĕренÿ сÿлĕ хупă. Вăл пире, эдак-и так, апат пек, сывлăш пек, хĕвел сÿти пек кирлĕ. Сывă пулăр, ачасем! Турă пулăштăр сире аван вĕренме!» (Трубина, 1956). / «Ребята, эдак и так, мы проверили, как вы учитесь. Есть те, кто хорошо учатся. В будущем все учитесь прилежно. Ученье – свет, неученье – тьма. Не зря сказано, что один образованный человек стоит семерых необразованных человек. Говорят, образование, эдак и так, не ноша. Больше всего стремитесь выучить русский язык, без него путь образования закрыт. Он нам, эдак и так, как еда, как воздух, как солнечный свет, нужен. Будьте здоровы, ребята! Пусть Бог поможет вам хорошо учиться!».

Свои жизненные идеалы и свое отношение к развитию чувашской культуры И. Я. Яковлев выразил в своем «Духовном завещании чувашскому народу». Вот несколько его наставлений: «Чтите и любите великий, добрый и умный русский народ, таящий в себе неисчерпаемые силы ума, сердца и воли. Народ этот принял вас в свою семью, как братьев, не обидел и не унизил вас. Ведомый Провидением к великим, нам незримым целям, народ этот да будет руководителем и вашего развития: идите за ним и верьте в него»; «Помните, что вы сами должны помогать своим бедным и обездоленным сородичам, не надеясь на то, что помощь к ним придет откуда-нибудь со стороны. Помните, что долг работать над просвещением чуваш лежит, прежде всего, на вас, на людях, которые вышли из их же среды»; «Не гнушайтесь бедности, слабости и невежества своих сородичей: из них вы вышли, и для них вы должны поработать, чтобы заплатить ваш долг за полученное за счет народа образование»; «Берегите семью: в семье опора народа и государства. Семейные заветы всегда были крепки среди чуваш. Охраняйте же это сокровище» (Яковлев И. Я. Духовное завещание чувашскому народу. 1921. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Духовное_завещание_чувашскому_народу). Как показывает анализ повести «Детство», схожие идеи вложены и в литературный образ И. Я. Яковлева.

Вместе с тем образ просветителя в повести М. Трубиной (1956) не лишен и тех передрыг судьбы, которые делают его одним из множества чуваш: «Паян пире Анастасия Александровна Иван Яковлевич сĕнчен каласа пачĕ. Вăл тăлăх ача пулнă иккен. Âна ырă сынсем пăхса ўстернĕ. Иван Яковлевич, чăваш ачи пулнă пулин те, хай пите тăрăшса вĕреннипе тата ырă кăмăллă вырăс сыннисем пулăшнине аслă шкултан вĕренсе тухнă, чăваш ачисем валли учителя вĕренсе тухмалли школ уснă». / «Сегодня Анастасия Александровна рассказала нам об Иване Яковлевиче. Оказывается, он был сиротой. Его воспитали добрые люди. Иван Яковлевич, несмотря на то, что был чувашским мальчиком, благодаря своему прилежному учению и помощи добродушных русских людей смог открыть учительскую школу для чувашских детей».

В повести «Детство» есть образ и другого учителя – Анастасии Александровны. В произведении нет подробного описания ее внешности и характера, но каждое столкновение главной героини с ней добавляет

штрих к ее образу. Так, при первом знакомстве героиня отмечает: «Учительницан шурă сұхалла тёттём кăвак кёпине эпё те юратса пăхрăм. Тăп-тăп питлĕ, хăмăр куслă майра хай те кăмăла кайрĕ» (Трубина, 1956). / «И я влюбилась в темно-синее платье с белым воротником учительницы. И сама круглолицая майра с карими глазами понравилась» (в чувашской культуре словом «майра» называли женщину нечувашской национальности замужем за чувашом или чувашку, одевающуюся как русская).

Далее автор раскрывает нам такие черты характера, как доброжелательность, скромность, кротость, трудолюбие, которые свойственны чувашу. Но автор выделяет учительницу, показывая ее утонченность и интеллигентность. В этом плане и образ просветителя И. Я. Яковлева, и образ учительницы Анастасии Александровны схожи. В культуре конца XIX – начала XX в. они становятся представителями новой социальной прослойки чувашского общества – образованной интеллигенции.

Заключение

Таким образом, обобщая наше исследование, отметим, что образ И. Я. Яковлева в чувашской литературе является символом зарождения новой социальной прослойки в чувашском обществе. Он характеризуется типичными для интеллигенции чертами как в одежде, так и в сфере своей деятельности. Ему свойственны чуждые земледельцу-чувашу ценности, а именно стремление учиться и обучать своих соплеменников. Более того, можно смело утверждать, что И. Я. Яковлев – это первый представитель чувашской учительской интеллигенции. Перспективы дальнейшего исследования мы видим в создании «галереи» художественных образов учителя в чувашской литературе с последующим объединением их в отдельные группы с учетом типологических черт.

Источники | References

1. Димитриев В. Д. Об историческом значении просветительной деятельности И. Я. Яковлева // Иван Яковлев - выдающийся чувашский просветитель-педагог: сб. ст. / сост. А. А. Кондратьев. Уфа, 1998.
2. Иванов В. Н. Просветительская деятельность И. Я. Яковлева и ее анализ в культурологическом аспекте: дисс. ... к. культ. СПб., 1999.
3. Канюков В. Я. Трубина Мархви: пурнăçе пултарулăхĕ çинчен сьрнă очерк. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1959.
4. Кириллова И. Ю., Родионов В. Г., Мышкина А. Ф., Ефремова-Ильина Н. Г., Родионова Э. В., Никифорова В. В., Софронова И. В., Федоров Г. И. История чувашской литературы XX века: коллективная монография: в 2-х ч. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2015. Ч. 1. 1900-1955 годы.
5. Мышкина А. Ф. Творческое наследие классиков советской литературы в русле современности // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Марийский государственный университет; отв. ред. Р. А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2016.
6. Мышкина А. Ф., Гафурова И. И. Художественно-философские взгляды писателя на духовные и этнические ценности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9-1 (39).
7. Мышкина А. Ф., Ядранская И. В. Культурно-исторический аспект художественной литературы в образовательной среде // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / сост. Т. Н. Беляева; под общ. науч. ред. Р. А. Кудрявцевой. Йошкар-Ола, 2022.
8. Одюков И. И. Образ И. Я. Яковлева в чувашской литературе // Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. 1969. Вып. 42.
9. Плечов Г. Н. Формирование социально-просветительской деятельности И. Я. Яковлева: монография. Чебоксары, 2013.
10. Трофимов Л. Ю. Художественное отображение жизни и деятельности И. Я. Яковлева в чувашской литературе: автореф. дисс. ... д. филол. н. Чебоксары, 2005. URL: <https://www.disscat.com/content/khudozhestvennoe-otobrazhenie-zhizni-i-deyatelnosti-iya-yakovleva-v-chuvashskoi-literature>

Информация об авторах | Author information

RU Мышкина Альбина Федоровна¹, д. филол. н., доц.
Ядранская Инесса Владимировна²
^{1,2} Чувашский республиканский институт образования, г. Чебоксары

EN Myshkina Albina Fedorovna¹, Dr
Yadranskaya Inessa Vladimirovna²
^{1,2} Chuvash Republican Institute of Education, Cheboksary

¹ alb-myshkina@mail.ru, ² inessa_yadranskaya@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.01.2023; опубликовано (published): 28.02.2023.

Ключевые слова (keywords): чувашская литература; И. Я. Яковлев; чувашский просветитель; образ учителя; типологические черты; Chuvash literature; I. Ya. Yakovlev; Chuvash enlightener; teacher's image; typological features.